

хартии вольностей? И мог ли абсолютизм такого типа возникнуть на той стадии развития общенационального внутреннего рынка, на которой находилась Московия в «европейском столетии»?

Я солидаризируюсь с призывом Льва Львовича к поддержке друг друга, к объединению вокруг общих ценностей. Наше сегодняшнее обсуждение я именно в этом ключе и рассматриваю. Самим фактом публичной дискуссии мы хотим привлечь к работам близкого нам по ценностям автора, идеи которого почти не обсуждаются, общественное внимание.

Да, они здесь оспаривались, но оспаривать интерпретацию событий пяти-сотлетней давности — не значит оспаривать ценности. Наше историческое сознание пребывает сегодня в таком состоянии, что без столкновения разных мнений и подходов нам не обойтись. При этом они могут еще больше расходиться, но могут и сближаться, что в какой-то степени, как мне показалось, произошло сегодня в споре Регельсона и Данилевского о нестяжателях. Но в любом случае они будут проясняться, освобождаясь от чрезмерной порой идеологизации и инструментализации.

Мы опубликуем стенограмму этой дискуссии на нашем сайте. Разумеется, если Александр Львович сочтет нужным ответить на прозвучавшие здесь возражения и вопросы, то мы будем рады предоставить ему слово. А нашу сегодняшнюю встречу разрешите завершить. Благодарю всех участников обсуждения за содержательные выступления. Их расшифровки будут каждому из вас представлены для авторизации и для внесения уточнений и дополнений. Думаю, не только вы, но и Александр Львович Янов заинтересован в том, чтобы реакция на его идеи была представлена максимально полно и внятно. Хочу также надеяться, что ему эта реакция покажется заслуживающей внимания. Еще раз всех благодарю.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Андрей ПЕЛИПЕНКО (главный научный сотрудник Российского института культурологии)

НЕ БЫЛО НИКАКИХ «МОСКОВСКИХ АФИН» И МОСКОВСКИХ ПЕРИКЛОВ

К сожалению, мне не удалось из-за болезни присутствовать на обсуждении доклада Александра Янова. Но поскольку уважаемый Александр Львович назначил меня не только выразителем идей либеральной культурологии, но и удостоил достаточно развернутой критики, я должен хотя бы коротко на нее ответить.

Надо сказать, что я уже имел опыт обсуждения данной темы с Александром Львовичем по Интернету. Однако, при всей корректности и взаимной добро-

желательности стиля дискуссии, содержательных плодов она не принесла и затухла по причине непреодолимых парадигматических и отчасти мировоззренческих различий.

Суждения А. Янова касаются многих аспектов и нюансов темы, и ответить на них столь же подробно я не возьмусь. Остановлюсь лишь на самом главном, не придираясь к деталям.

Прежде всего, должен признаться, что не являюсь либералом *par excellence*. И не только потому, что дихотомия «либерализм-авторитаризм» (или нечто синонимическое) представляется мне донельзя узкой и, по сути, исторически исчерпанной. По своим политическим воззрениям я скорее эксперт-крат. Но коли уж Александру Львовичу угодно считать меня либералом, то перед лицом оппонентов из авторитарного лагеря спорить с этим не стану.

Если одним словом охарактеризовать мои претензии к тому подходу, посредством которого уважаемый автор интерпретирует российскую историю и мои скромные о ней суждения, то это слово — *передергивание*. Как известно, лож страшна теми крупными правдами, которые в ней растворены (Кант). Читая рассуждения Янова о «европейском столетии» и отмечая эти самые крупницы правды, ловишь себя на мысли о невообразимом передергивании исторических фактов и фантастичности интерпретаций.

Автор подробнейшим образом смакует и раздувает в значении все, что только можно различить на чахлом поле российского либерализма. Но об авторитарной традиции, которая всегда одной левой давила все эти жалкие ростки, говорится вскользь, неохотно и походя. Порой кажется, что только высокий профессионализм с трудом удерживает автора от того, чтобы объявить все эти «давилки», действовавшие и в столь любимом им (и им же придуманном) «европейском столетии», досадными случайностями.

Да, при Иване III и его ближайших преемниках имело место некоторое равновесие векторов и форм исторической эволюции: имперского в своей тенденции государства (Казанское ханство, кстати, было присоединено за 12 лет до опричнины) и национального феодализма в общеевропейском мейн-стриме. Но... «европейское столетие»?

Не было никаких «Московских Афин» и, соответственно, московских периклов! Почему мы не должны доверять свидетельствам иностранцев — того же Герберштейна, в конце концов? Общий строй московских порядков уже в «европейское столетие» вполне оформился в «тяглое государство» (термин А. Буковского). А нам что-то говорят про «Афины»...

По мнению автора, я не заметил и не оценил должным образом реформ Избранной рады. Но дело в том, что, будучи не историком, а культурологом, я интересуюсь не событиями в их историческом измерении, а их общекультурными последствиями. Неужели это различие нуждается в разъяснениях?

Александр Львович явно передергивает, приписывая мне мысль о начале российской истории с Ивана Грозного, со второй половины его царствования. Это не история началась при Иване Грозном, это глобальное макроисторическое *противостояние* между российской (инверсионной) и западной (медиационной) культурно-цивилизационными моделями стало определенно оформляться примерно с того времени. Не больше, не меньше. И, мне кажется, я выражал эту мысль в своих работах (в том числе и в цитированной автором) достаточно ясно. Вот почему канувшие в Лету итоги реформ Избранной рады, сколь угодно важные для историка, для меня особого значения не имеют. В этом нет пренебрежения историческими фактами. Это просто другой масштаб видения проблемы и другая парадигматика интерпретаций.

Автора явно задела моя «графическая» метафора о том, что либеральная линия в российской истории представляет собой вялый пунктир, тогда как по мнению Янова — полнокровную линию (если не более того). Настаиваю — именно вялый пунктир. Да и то лишь в лучшем случае!

Я опускаю здесь соблазнительную возможность попридираться к автору по поводу его экстраполяции понятия «либерализм» на другие исторические эпохи, которую он осуществляет с легкостью необыкновенной. Чего стоят хотя бы «нестяжатели-либералы»! Обращусь к самой сути спора.

Суть эта, по моему мнению, состоит в том, что следует принципиально различать *мир идей* и *сферу социально-политических практик*. Идеи в обществе могут рождаться самые разнообразные, в том числе и наипрогрессивнейшие. Однако ставить их на одну доску с политическими практиками — либо недомыслие, либо сознательное шулерство.

Кстати, когда я впервые услышал выступление Янова на семинаре А.С. Ахиезера, то просто не поверил, что столь фантастически преобразенную картину российской либеральной традиции можно рисовать всерьез. Тогда я, грешным делом, заподозрил автора в либеральной ангажированности. И лишь убедившись в его несомненной профессиональной честности и искренности, избавился от этих подозрений.

Наиболее поразительный пример смешивания идей и практик у Янова касается даже не его любимого героя — Ивана III, а другого «фаворита» русского либерализма — Михаила Салтыкова с его конституцией 1610 года. Можно, разумеется, спорить, настолько ли уж эта конституция была либеральна — в частности, в вопросе о крепостном праве. Но суть дела все же не в этом. Она в том, что конституция Салтыкова никак не отразилась на современных ей политических практиках, т.е. осталась в области истории идей. И констатация этого гораздо важнее любых рассуждений о ее прогрессивности и прочих достоинствах.

Но совсем уж трогательно звучит довод автора, что наработки этой конституции со временем оказались востребованными: «...три столетия спустя

проект Салтыкова был и впрямь воплощен в жизнь в Основном законе конституционной монархии 1906 года». Хорошо же развивалась на Руси либеральная традиция, если в 1906 году оказались актуальными идеи трехсотлетней давности! Странно, что автор не понимает, что предоставляет дополнительную (и выразительную) аргументацию не сторонникам своим, а оппонентам. А говорить об отмене крепостного права в 1861(!!!) году как о «блестящей победе» либерализма, как, впрочем, и о других «победах» из приводимого автором ряда, можно, как мне кажется, лишь с позиций очень утонченного чувства юмора.

Чтобы глубже укоренить Россию в Европе, Янов объявляет неприемлемым использование применительно к ней понятия *деспотизм*. Я не стану касаться смысловых разночтений этого понятия, имеющих место в общегуманитарном, историческом и культурологическом контекстах. Есть такой не очень чистый риторический приемчик: когда нечего ответить по существу, начинают придирааться к терминам. И Александр Львович объясняет мне, как школьнику, что термин «деспотия» к России неприменим, а в доказательство рассказывает о монаршей собственности на землю в Китае и Турции, по отношению к которым данный термин уместен. Таким образом мне и другим «либеральным авторам», коих автор уличает в «изначально ложной» установке, предлагается уяснить, что Иван Грозный — это не Навуходоносор и не Цинь Шихуанди. А в подтексте слышится: «Не все еще потеряно, не все!»

Спасибо, просветили: в основе всего — собственность на землю. Конечно, конечно — производительные силы, производственные отношения, азиатский способ производства... Помню все это, помню. Но меня почему-то мучает вопрос: приходило ли в голову кому-либо из психически вменяемых граждан СССР поверять поступки тов. Сталина на их соответствие закону, не говоря уже о нормах права? Чем он владел, какой собственностью? И не поважнее ли будет такая независимость политической практики от каких-либо писанных норм, имевшая место на Руси не только в сталинские времена, пресловутой *формальной* собственности на землю?

Да, Россия — не азиатская деспотия, и я не сомневаюсь, что все авторы, использующие применительно к ней данный термин, выражаются в той или иной степени метафорично. Но метафора эта не столь уж далека от действительности, как может показаться на первый взгляд, если рассуждать не формально. Хотя, соглашусь, степень метафоричности следует пояснять в каждом конкретном случае.

Отдаю себе отчет в том, что мои замечания о докладе Янова и его книге, которым я не склонен отказывать в содержательности и насыщенности конкретным материалом, обрывочны, бессистемны и конечно же методологически эклектичны и некорректны. Строго говоря, было бы корректно, став на пози-

цию историка, провести имманентную критику взглядов автора, уличая его в том, что он видит лишь то, что хочет видеть. А затем, выйдя на позицию культуролога, проинтерпретировать полученные выводы. Однако для этого потребовалось бы проделать весьма трудоемкую работу и изложить ее результаты в отдельной книге...

Можно было бы, правда, порассуждать еще и о том, как и в чем Александр Львович видит источник оптимизма для либерального будущего России. Однако и в данном случае ограничусь лишь самыми короткими замечаниями.

Какие бы счастливые метаморфозы ни ожидали «либеральную линию», я не могу себе представить Россию, входящую в Европу вместе со всеми своими Башкириями, Калмыкиями, Якутиями и Чечней. Просто не хватает фантазии — ни исторической, ни литературной. Да и у наиболее продвинутых регионов тоже не может не быть больших проблем с таким вхождением, даже при самых фантастически благоприятных условиях.

Но здесь хоть можно говорить о какой-то надежде. В том смысле, что либеральное будущее России неизбежно обуславливается ее распадом и регионализацией. При этом внешний рисунок распада может выглядеть обусловленным геополитическими, экономическими и тому подобными факторами, но за ними неизбежно проступит глубинный фактор — культурно-цивилизационный.

Таков экзамен, который ждет Россию в ближайшем будущем. Это будет жестокий исторический урок. Но зато прекратятся наконец все тошнотворные «русские» разговоры с расковыриванием язв и бесконечным обсуждением заведомо не решаемых вопросов, которые просто боятся решать.

Однако есть и еще один, гораздо более тревожный и неприятный вопрос, глубоко табуированный в сознании российского либерала. Вопрос звучит так: а есть ли либеральное будущее у самой Европы (в широком ее понимании)? Не пришел ли поезд европейского либерализма, за которым бежало, задрав штаны, российское просвещенное общество, на конечную станцию? Не размылся ли за последние лет сто этот, казалось бы, незыблемый кисельный бережок?

Но нет, не буду начинать эту сложную и болезненную тему. Тем более что Александр Янов, как истинный рыцарь либерализма, данного вопроса не касается. Остается разве что сказать, что для меня лично тема России — периферийная. А также принести извинения — не ритуальные, а вполне искренние — за некоторую полемическую резкость и заверить Александра Львовича в не менее искреннем моем к нему уважении.